

Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат

Евгений Викторович Тарле

Евгений Викторович Тарле (1874–1955) — академик, лауреат Сталинской премии 1942 года, выдающийся советский историк, открывший для нескольких поколений читателей героический и полный интриг мир европейской политики XIX века. Он умел писать об истории хлёстко, пробуждая злободневные ассоциации. Наибольшую известность получили захватывающие исследования Тарле «Наполеон», «Талейран», «Нашествие Наполеона на Россию», «Крымская война».

*В один присест историк Тарле
Мог написать (как я в альбом)
Огромный том о каждом Карле
И о Людовике любом! —*

Писал С.Я. Маршак.

Анализ громадной, очень сложной исторической фигуры Кутузова иной раз тонет в пёстрой массе фактов, рисующих войну 1812 г. в целом. Фигура Кутузова при этом если и не скрадывается вовсе, то иногда бледнеет, черты его как бы расплываются. Кутузов был русским героем, великим патриотом, великим полководцем, что известно всем, и великим дипломатом, что известно далеко не всем.

Выявление громадных личных заслуг Кутузова затруднялось прежде всего тем, что долгое время вся война 1812 г., с момента отхода русской армии от Бородина до прихода в Тарутино, а затем вплоть до вступления её в Вильно в декабре 1812 г., не рассматривалась как осуществление глубокого плана Кутузова — плана подготовки, а затем реализации непрерывавшегося контрнаступления, приведшего к полному разложению и конечному уничтожению наполеоновской армии.

Наследие

Теперь историческая заслуга Кутузова, который против воли царя, против воли даже части своего штаба, отмечая клеветнические выпады вмешивавшихся в его дела иностранцев вроде Вильсона, Вольцогена, Винценгероде, провёл и осуществил свою идею, вырисовывается особенно отчётливо. Ценные новые материалы побудили советских историков, занимающихся 1812 годом, приступить к выявлению своих недочётов и ошибок, пропусков и неточностей, к пересмотру сложившихся прежде мнений о стратегии Кутузова, о значении его контрнаступления, о Тарутине, Малоярославце, Красном, а также о начале заграничного похода 1813 г., о котором у нас знают очень мало, в чём виновна почти вся литература о 1812 году, в том числе и моя старая книга, где этому походу посвящено лишь очень немного беглых замечаний. Между тем первые четыре месяца 1813 г. немало дают для характеристики стратегии Кутузова и показывают, как контрнаступление перешло в прямое наступление с точно поставленной целью уничтожения агрессора и в дальнейшем — низвержения наполеоновской грандиозной хищнической «мировой монархии».

В громадной новой (1946-го и последующих годов) «Британской энциклопедии» читаем о Кутузове следующее: «Он дал сражение при Бородине и потерпел поражение, но не решительное». А дальше: «Осторожное преследование противника старым генералом вызывало много критики». Вот и всё. Эта оценка, особенно её лаконизм, живо напоминает классические полторы строки о Суворове в одном из прежних изданий Малого Энциклопедического словаря Лярусса: «Суворов, Александр. 1730—1800. Русский генерал, разбитый генералом Массена». Когда и где? Об этом осторожно не упоминается по весьма понятной причине. Это — всё, что французам полагается знать об Александре Суворове. Не менее обстоятельно сказано и о Кутузове: «Кутузов Михаил, русский генерал, побеждённый при Москве. 1745—1813». Вот и всё. К этому следует прибавить и примечательный отзыв о Кутузове, принадлежащий акад. Луи Мадлену, написавшему в 1934 г. во вступительной статье к изданию писем Наполеона к Марии-Луизе,

что после Бородина Кутузов «имел бесстыдство (eut impudence) не считать себя побеждённым».

Следует отметить одно очень любопытное наблюдение. Иностранцы историки, пишущие о 1812 году в России, меньше и реже пускают в ход метод опорочивания, злобной и недобросовестной критики, чем метод полного замалчивания. Приведу типичный случай. Берём четырёхтомную новейшую «Историю военного искусства в рамках политической истории», написанную проф. Гансом Дельбрюком. Раскрываем четвёртый, увесистый, посвящённый XIX в. том, особенно главу «Стратегия Наполеона». Ищем в очень хорошо составленном указателе фамилию Кутузова, но не находим её вовсе. О 1812 году на стр. 386 читаем: «Настоящую проблему наполеоновской стратегии представляет кампания 1812 г. Наполеон разбил русских под Бородином, взял Москву, был вынужден отступить и во время отступления потерял почти всю свою армию». Оказывается, будь на месте Наполеона тайный советник проф. Г. Дельбрюк, России пришёл бы конец: «Не лучше ли поступил бы Наполеон, если бы в 1812 г. он обратился к стратегии измора и повёл бы войну по методу Фридриха?»

И, собственно, больше ничего о 1812 году не говорится, а Кутузов даже не упомянут. <...>

Ум и воинская доблесть Кутузова были признаны и товарищами, и начальством уже в первые годы его военной службы, которую он начал 19 лет. Он воевал в войсках Румянцева, под Ларгой, под Кагулом, и тогда уже своей неслыханной храбростью заставил о себе говорить. Он первым бросился в атаку и последним прекращал преследование неприятеля. В конце первой турецкой войны он был опасно ранен и лишь каким-то чудом (так считали и русские, и немецкие врачи, лечившие его) отделался только потерей глаза. Екатерина велела отправить его за казенный счёт для лечения за границу. Эта довольно длительная поездка сыграла свою роль в его жизни. Кутузов с жадностью набросился на чтение и очень пополнил своё образование.

Е.В. Тарле. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат

Вернувшись в Россию, он явился к императрице благодарить её. И тут Екатерина дала ему необычайно подходившее к его природным способностям поручение: она отправила его в Крым в помощь Суворову, который исполнял тогда не очень свойственное ему дело: вёл дипломатические переговоры с крымскими татарами.

Нужно было поддержать Шагин Тирея против Девлет-Гирея и дипломатически доверить утверждение русского владычества в Крыму. Суворов, откровенно говоривший, что он дипломатией заниматься не любит, сейчас же предоставил Кутузову все эти щекотливые политические дела, которые тот выполнил в совершенстве. Тут впервые Кутузов обнаружил такое умение обходиться с людьми, разгадывать их намерения, бороться против интриг противника, не доводя спора до кровавой развязки; и, главное, достигать полного успеха, оставаясь с противником лично в самых «дружелюбных» отношениях, что Суворов был от него в восторге.

В течение нескольких лет, вплоть до присоединения Крыма и конца происходивших там волнений, Кутузов был причастен к политическому освоению Крыма. Соединение в Кутузове безудержной, часто просто безумной храбрости с качествами осторожного, сдержанного, внешне обаятельного, тонкого дипломата было замечено Екатериной. Когда она в 1787 г. была в Крыму, Кутузов — тогда уже генерал — показал ей такие опыты верховой езды, что императрица публично сделала ему суровый выговор: «Вы должны беречь себя, запрещаю вам ездить на бешеных лошадях и никогда вам не прощу, если услышу, что вы не исполняете моего приказания». Но выговор подействовал мало. 18 августа 1788 г. под Очаковым Кутузов, помчавшийся на неприятеля, опередил своих солдат. Австрийский генерал, принц де Линь, известил об этом императора Иосифа в таких выражениях: «Вчера опять прострелили голову Кутузову. Думаю, что сегодня или завтра умрёт». Рана была страшная и, главное, почти в том же месте, где и в первый раз, но Кутузов снова избежал смерти. Едва оправившись, через три с половиной месяца

Кутузов уже участвовал в штурме и взятии Очакова и не пропустил ни одного большого боя в 1789–1790 гг. Конечно, он принял непосредственное личное участие и в штурме Измаила. Под Измаилом Кутузов командовал шестой колонной левого крыла штурмующей армии. Преодолев «весь жестокий огонь картечных и ружейных выстрелов», эта колонна, «скоро спустясь в ров, взойшла по лестницам на вал, несмотря на все трудности, и овладела бастионом; достойный и храбрый генерал-майор и кавалер Голенищев-Кутузов мужеством своим примером подчинённым и сражался с неприятелем». Приняв участие в этом рукопашном бою, Кутузов вызвал из резервов Херсонский полк, отбил неприятеля, и его колонна с двумя другими, за ней последовавшими, «положили основание победы». <...>

Ни в чём так ярко не сказывалась богатейшая и разносторонняя одарённость Кутузова, как в умении не только ясно разбираться в общей политической обстановке, в которой ему приходилось вести войну, но и подчинять общей политической цели все иные стратегические и тактические соображения. В этом была не слабость Кутузова, которую в нём хотели видеть как открытые враги, так и жалившие в пятую тайные завистники. В этом была, напротив, его могучая сила. <...>

Война 1812 г. не походила ни на одну из тех войн, которые до тех пор приходилось вести русскому народу с начала XVIII столетия. Даже во время похода Карла XII сознание опасности для России не было и не могло быть таким острым и широко распространённым во всех слоях народа, как в 1812 г.

За четыре дня до Бородина, в Гжатске, Наполеон оставил непререкаемое документальное свидетельство, что он жестоко встревожен этими постоянными нападениями. Вот что приказал он разослать по армии своему начальнику штаба, маршалу Бертье: «Напишите генералам, командующим корпусами армии, что мы ежедневно теряем много людей вследствие недостаточного порядка в способе добывания провианта. Необходимо, чтобы они согласовали с начальниками

Наследие

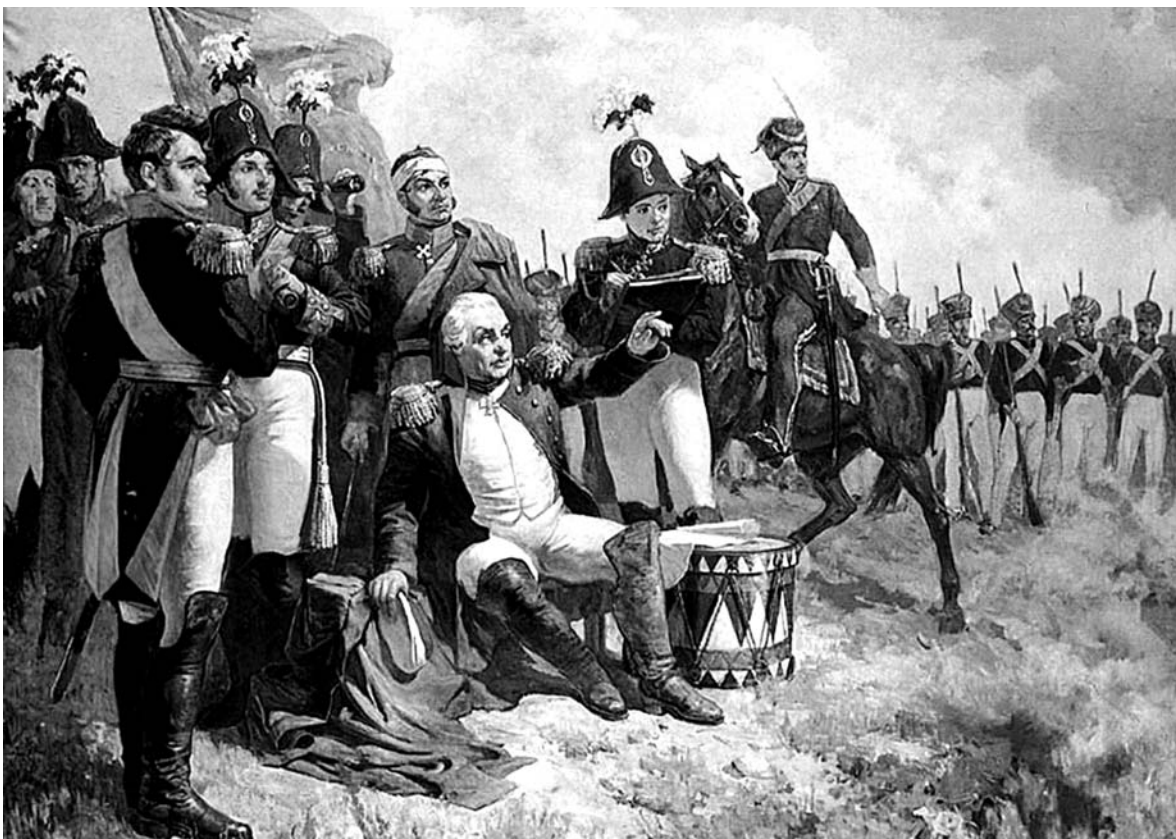
разных частей меры, которые нужно принять, чтобы положить предел положению вещей, угрожающему армии гибелью. Число пленных, которых забирает неприятель, простирается до нескольких сотен ежедневно; нужно под страхом самых суровых наказаний запретить солдатам удаляться». Наполеон приказал, отправляя людей на фуражировку, «давать им достаточную охрану против казаков и крестьян».

Уже эти действия арьергарда Коновницына, откуда и выходили в тот момент партии смельчаков, приводивших в смущение Наполеона, показывали Кутузову, что с такой армией можно надеяться на успех в самых трудных положениях.

Кутузов не сомневался, что предстоящее сражение будет стоить французской армии почти столько же потерь, сколько и русской. На самом деле после сражения оказалось, что французы

потеряли гораздо больше. Тем не менее решение Кутузова осталось непоколебимым, и нового сражения перед Москвой он не дал.

Как можем мы теперь с полной уверенностью определять основные цели Кутузова? До войны 1812 г., в тех войнах, в которых Кутузову приходилось брать на себя роль и ответственность главнокомандующего, он решительно никогда не ставил перед собой слишком широких конечных целей. В 1805 г. никогда не говорил о разгроме Наполеона, о вторжении во Францию, о взятии Парижа, — т.е. о всём том, о чём мечтали легкомысленные царедворцы в ставке императоров Александра I и Франца I. Или, например, в 1811 г. он вовсе не собирался брать Константинополь. Но теперь, в 1812 г., положение было иным. Основная цель повелительно ставилась всеми условиями войны: закончить войну истреблением армии агрессора. Трагизм всех губительных для французов ошибок и просчётов Наполеона заключался

Кутузов на командном пункте в день Бородинского сражения. Худ. А.П. Шепелюк. 1951 г.

Е.В. Тарле. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат

в том, что он не понял, до какой степени полное уничтожение его полчищ является для Кутузова не максимальной, а минимальной программой и что все грандиозное здание всевропейского владычества Наполеона, основанное на военном деспотизме и державшееся военной диктатурой, заколеблется после гибели его армии в России. И уже тогда может стать исполнимой в более или менее близком будущем и другая («максимальная») программа: именно уничтожение его колоссальной хищнической империи. <...>

Программа нанесения тяжёлого удара армии врага, с которой Кутузов, не высказывая её в речах, явился в Царево-Займище, начала осуществляться в первой своей части у Шевардина и под Бородином. Несмотря на то, что уже кровавое побоище под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. показало Наполеону, что русский солдат несравним с солдатам какой бы то ни было другой армии, шевардинский бой поразил его, когда на вопрос, сколько взято пленников после длившихся целый день кровопролитных схваток, он получил ответ: «Никаких пленников нет, русские в плен не сдаются, ваше величество».

А Бородино на другой день после Шевардина затмило все сражения наполеоновской долгой эпопеи: оно вывело из строя почти половину французской армии.

Вся диспозиция Кутузова была составлена так, что французы могли овладеть сначала Багратионовыми флешами, а затем Курганной высотой, защищавшейся батареей Раевского, лишь ценой совсем неслыханных жертв. Но дело было не только в том, что к этим основным потерям прибавились ещё новые потери в разных иных пунктах великой битвы; дело было не только в том, что около 58 тысяч французов остались на поле боя и между ними 47 лучших генералов Наполеона, — дело было в том, что уцелевшие около 80 тысяч французских солдат совсем уже не походили по духу и настроению на тех, кто подошёл к Бородинскому полю. Уверенность в непобедимости императора пошатнулась, а ведь эта уверенность до этого дня никогда не покидала наполеоновскую

армию — ни в Египте, ни в Сирии, ни в Италии, ни в Австрии, ни в Пруссии и нигде вообще. Не только безграничная отвага русских людей, отразивших 8 штурмов у Багратионовых флешей и несколько подобных же штурмов у батареи Раевского, изумила издавших виды наполеоновских гренадеров, но они не могли забыть и постоянно потом вспоминали момент незнакомого им до того чувства паники, охватившей их, когда внезапно, повинувшись никем не предвиденному — неприятелем, ни даже русским штабом — приказу Кутузова, Платов с казачьей конницей и Первый кавалерийский корпус Уварова неудержимым порывом налетели на глубокие тылы Наполеона. Сражение окончилось, и Наполеон первым отошёл от места грандиозного побоища.

Первая цель Кутузова была достигнута: у Наполеона осталось около половины его армии. В Москву он вошёл, имея, по подсчёту Вильсона, 82 тысячи человек. Отныне для Кутузова были обеспечены долгие недели, когда, отойдя в глубь страны, можно было численно усилить кадры, подкормить людей и лошадей и восполнить бородинские потери. А главный, основной стратегический успех Кутузова при Бородине и заключался в том, что страшные потери французов сделали возможным пополнение, снабжение, реорганизацию русской армии, которую главнокомандующий затем и двинул в грозное, сокрушившее Наполеона контрнаступление.

Наполеон не потому не напал на Кутузова при отступлении русской армии от Бородина к Москве, что считал войну уже выигранной и не хотел попусту терять людей, а потому, что он опасался второго Бородина, так же как опасался его впоследствии, после сожжения Малоярославца. Действия Наполеона определяла также уверенность в том, что после занятия Москвы будет близок мир. Но, повторяем, не следует забывать того, что, можно сказать, на глазах у Наполеона русская армия, увозя с собой несколько сот уцелевших пушек, отступала в полнейшем порядке, сохраняя дисциплину и боевую готовность. Этот факт произвёл большое впечатление на маршала Даву и на весь французский генералитет.

Наследие

Кутузов мог надеяться, что если бы Наполеон вздумал внезапно напасть на отступавшую русскую армию, то опять было бы «дело адское», как фельдмаршал выразился о шевардинском бое в своём письме от 25 августа к жене Екатерине Ильиничне.

Наполеон допускал успех французов в возможном новом сражении под Москвой, очень для него важном и желательном, однако отступил перед риском предприятия. Это был новый (отнюдь не первый) признак, что французская армия была уже совсем не та, какой она была, когда Кутузов, идя из Царева-Займища, остановился около Колоцкого монастыря и заставил Наполеона принять сражение там и тогда, когда и где это признал выгодным сам Кутузов.

В значительной степени не только непосредственный, но и конечный стратегический успех замышленного удара, который Кутузов хотел перед Бородином нанести Наполеону на путях движения французской армии к Москве, зависел от правильного разрешения проблемы: кому раньше удастся восполнить те серьёзные потери, которые, безусловно, обе армии понесут в предстоящем генеральном сражении? Успеют ли прибыть к Наполеону подкрепления из его тылов раньше, чем у Кутузова после неизбежного страшного побоища снова будет в распоряжении такая вооружённая сила, как та, которая встретила его радостными кликами в Царева-Займище? Кутузов при решении этой жизненно важной задачи обнаружил в данном случае гораздо больший дар предвидения, чем его противник. Обе армии вышли из Бородинского боя ослабленными; но не только не одинаковы, а совершенно различны были их ближайшие судьбы: несмотря на подошедшее к Наполеону крупное подкрепление, пребывание в Москве с каждым днём продолжало ослаблять армию Наполеона, а в эти же решающие недели кипучая организаторская работа в Тарутинском лагере с каждым днём восстанавливала и умножала силы Кутузова. Мало того, во французской армии смотрели и не могли не смотреть на занятие Москвы как на прямое доказательство, что война приходит к концу и спасительный мир совсем

близок, так что каждый день в Москве приносил постепенно усиливавшиеся беспокойство и разочарование. А в кутузовском лагере царила полная уверенность, что война ещё только начинается и что худшее осталось позади. Стратегические последствия русской бородинской победы сказались прежде всего в том, что наступление врага на Россию стало выдыхаться и остановилось без надежды на возобновление, потому что Тарутино и Малоярославец были прямым и неизбежным последствием Бородина.

Твёрдое сохранение русских позиций к концу боевого дня было зловещим предвестием для агрессора. Бородино сделало возможным победоносный переход к контрн наступлению. <...>

Ввиду клеветнических усилий иностранной историографии представить Бородино как победу Наполеона считаю нужным подчеркнуть следующее. Наполеон не только первый отступил от долины кровавого побоища, но он отдал одновременный приказ отступить со всех пунктов, занятых французами с такими убийственными жертвами в течение дня: и от Багратионовых флешей, и от курганной батареи Раевского, и от села Бородина. Кто это решился сделать на глазах у своей армии, почти половина которой лежала в крови и во прахе? Наполеон, для которого сохранение репутации непобедимости в глазах солдат было превыше всего. И когда он это сделал? За несколько часов до приказа Кутузова. Закрепский, состоявший при Барклае де Толли, показывал впоследствии Михайловскому-Данилевскому письменное повеление Кутузова, отданное тотчас после битвы Барклаю: оставаться на поле боя и распоряжаться приготовлениями к битве «на завтрашний день». Только уже почти в середине ночи (после 11 часов) решение Кутузова изменилось. Явился Дохтуров. «Поди ко мне, мой герой, и обними меня. Чем может государь вознаградить тебя?» Но Дохтуров ушёл с Кутузовым в другую комнату и рассказал о потерях в багратионовской (бывшей «второй») армии, защищавшей флешу. Кутузов тогда только велел отступать. Ни одного француза уже давно не было ни на поле боя, ни в ближайших окрестностях. <...>

Е.В. Тарле. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат

Армия не предвидела, что хоть много ей ещё предстоит жесточайших испытаний, но что настанет, наконец, день 30 марта 1814 г., когда русские солдаты, подходя к Пантенскому предместью, будут восклицать: «Здравствуй, батюшка Париж! Как-то заплатишь ты за матушку-Москву?» Глядя на московское зарево, Кутузов знал, что день расплаты рано или поздно наступит, хотя и не знал, когда именно, и не знал, доживёт ли он до этого дня.

Анализ скудных данных, касающихся начальной причины московского пожара, и усиленная оценка их научного веса будут даны в моей книге «Нашествие 1812 года и разгром Наполеона в России». Здесь же, в сжатой характеристике Кутузова, достаточно напомнить, что в оценке непосредственных последствий московского пожара для французской армии ни малейших сомнений быть не может. Пожары не усилили, а ослабили неприятеля, когда он стоял в Москве. Этот факт бесспорен, хотя причислять московский пожар к основным, решающим моментам борьбы, как это склонны были делать многие впоследствии, нет оснований. <...>

Бой под Малоярославцем имел колоссальное значение в истории контрнаступления. По своему значению в истории войны он стоит непосредственно вслед за Бородином. После восьми отчаянных атак и сожжения Малоярославца Наполеон оказался перед грозной альтернативой: либо решиться на генеральный бой, либо сейчас же, с калужских путей, ведущих на юг, сворачивать на северо-запад, к Смоленску. Он не решился идти в Калугу. Кутузов стал перед ним стеной.

Армия Кутузова была в этот момент больше и лучше, причём кавалерия и артиллерия французов, если исключить гвардию (да и то с оговорками), были снабжены и боеспособны несравненно хуже русских. Не в Москве, а в Малоярославце началась бедственная стадия наполеоновского отступления, а победоносный фазис кутузовского контрнаступления обозначился уже в Тарутине. Наполеон именно тут, под Малоярославцем, окончательно убедился в непоправимости своего реального

поражения под Бородином, которое в его бюллетенях и в письмах к Марии-Луизе так легко было превращать в победу. Бородино убило одну половину его армии физически, а другую — морально. Кутузов же стоял перед ним во всеоружии, во главе более сильной русской армии, чем та, которая была при Бородине, и самое главное — армии, одушевлённой неутолимимым чувством гнева к врагу и полной веры в своего старого вождя.

Наполеон в первый раз в жизни ушёл от генерального боя и пошёл по Смоленской дороге навстречу надвигающейся катастрофе. «Неприятель 15-го (октября. — *Е.Т.*) оставил Ярославца и отступил по Боровской дороге; генерал Милорадович доносит, что неприятель был преследован от Малого Ярославца 8 вёрст», — в таких скромных словах известил Кутузов свою армию об одном из самых важных своих успехов в этой войне.

Начинали подводиться зловещие для агрессора итоги, без пышных бюллетеней и громких слов. Русский народный герой был всегда спокоен и прост.

Первым большим боем после вынужденного перехода Наполеона на разорённую Смоленскую дорогу был бой под Вязьмой. В сражении под Вязьмой 21 и 22 октября 1812 г. русские одержали новую блестящую победу. По донесению Кутузова, неприятель потерял убитыми и ранеными 6 тысяч человек, пленными — 2500 человек. Русские потери были значительно меньше. Кутузов считает их до 500 человек. Уже после сражения была взята в плен из числа беглецов ещё тысяча человек.

В свете признания всё возрастающего значения активного, систематически проводимого, обдуманного и в целом и во многих частностях стратегического контрнаступления в совсем ином, чем раньше, виде предстаёт перед историком роль партизан. Накануне Бородина Кутузов смог уделить Денису Давыдову лишь незначительный отряд, на что Давыдов несправедливо жаловался своему другу и бывшему прямому начальнику Багратиону. Но как только появилась возможность, Кутузов ничего не

Наследие

жалел для усиления движения. Кутузов — вождь регулярной армии — стал в то же время центральным лицом в партизанском движении: он поддерживал партизан материальными средствами, он откомандировывал в отряды Давыдова, Сеславина, а также и в отряд Фигнера людей, восполнявших убыль в их рядах. Наконец, его штаб стал центром, куда стекались донесения о непрерывной борьбе партизан с отступающим противником и откуда давались необходимые указания. Детализированных приказов, конечно, тут быть не могло. Со своим обычным тактом и умом Кутузов придал партизанскому движению нужную в интересах дела степень централизованности, как раз то, что было необходимо и возможно при этой форме военных действий, и вместе с тем ни в малейшей степени не стеснял действий отдельных начальников. Душа партизанского движения — самостоятельность инициативы — осталась нетронутой. Впрочем, никто другой не мог тогда сыграть эту роль в партизанском движении, кроме Кутузова. Он был не только военным вождём, но и любимцем народных масс, а в действиях партизан наиболее непосредственно осуществлялось сближение и ежедневное, постоянное сотрудничество офицерства и казачества, с одной стороны, и крестьянских предводителей, вроде Герасима Курина или Четвертакова, — с другой.

При контрнаступлении роль партизан свелась вовсе не к тому, чтобы «беспокоить арьергарды» отступавшего противника, как об этом говорили в начале движения. Своими постоянными нападениями (и вовсе не только на арьергарды) партизаны поддерживали в неприятельских рядах (это мы знаем из французских показаний) мысль и ощущение, что идёт нескончаемая битва. Прошло Тарутино, а нападения продолжались и непрерывно поддерживали тревогу вплоть до Малоярославца. Прошёл Малоярославец, однако сражения — правда, малые, но зато ежедневные — продолжались вплоть до Вязьмы, где французы в отместку партизанам прибегли к гнуснейшей и случайно лишь не удавшейся им попытке загнать население в городской собор, запереть его там и сжечь живьём. Прошла Вязьма — и опять ни одного дня, вплоть до Смоленска, не было

у противника уверенности, что не произойдёт очередного нападения.

Наконец, от Смоленска до Березины партизаны уже и в самом деле вели постоянные бои, а Кутузов продолжал свою «малую войну», отражая небольшие отряды со специальными заданиями против непомерно растянувшейся в длину отступающей неприятельской армии.

Губительные для Наполеона последствия Бородина и затем Стоянки в Москве были условиями, сделавшими для него уже совсем невозможной надежду на победу в большом сражении над окрепшей и прекрасно организованной кутузовской армией, как это показали Тарутино и Малоярославец. После этих двух тяжёлых поражений французам оставалась только медленная, но неизбежная гибель в самых ужасающих условиях, под ударами контрнаступления, осуществляемого и всей большой армией фельдмаршала, и «малой войной» командировавшихся небольшими отрядами, и могущественно усилившимися партизанами.

Самой убийственной для французов чертой кутузовского контрнаступления оказалась его непрерывность. Стратегический план Кутузова нашёл полное своё осуществление в наиболее целесообразной тактике.

Кутузов сидел в Ельне, затем в Копысе, и к нему стекались сведения: регулярные части имели такие-то встречи и изъездили столько-то; партизаны имели такие-то встречи и взяли столько-то. «Казачи и крестьяне» — под этим двойным обозначением всё чаще начинали фигурировать русские партизаны в приказах Наполеона по армии и в частных приказах маршалов и корпусных командиров по корпусам.

Кутузову приходилось даже считаться с соревнованием, иногда довольно острым, между партизанскими начальниками и офицерами регулярных войск. По существу, это было соревнование в подвигах самоотвержения. Можно сказать, что Кутузов не только создал план контрнаступления, но и нашёл для его

Е.В. Тарле. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат

осуществления в помощь своей регулярной армии необычайно ценную оперативную силу в виде партизанской войны. Народный гнев, чувство патриотической ненависти к захватчику и грабителю нашли себе выход в партизанской войне, а партизанскую войну Кутузов ввёл в систему тех сил, которые, осуществляя задуманное им контрнаступление, неуклонно гнали агрессора к ждавшей его страшной катастрофе.

Общий вывод о партизанском движении, который в моей новой книге будет обоснован ещё несравненно более обильным фактическим материалом, таков: непримиримая ненависть тысяч и тысяч крестьян, стеной окружившая «великую армию» Наполеона, подвиги старости Василицы, Фёдора Онуфриева, Герасима Курина, которые, ежедневно рискуя жизнью, уходя в леса, прячась в оврагах, подстерегали французов, — вот то, в чём наиболее характерно выражались крестьянские настроения в 1812 г. и что оказалось губительным для армии Наполеона.

Уточню тут данную мною раньше слишком сжатую и поэтому неполную формулу: именно русский крестьянин способствовал гибели кавалерии Мюрата, перед победоносным натиском которой бежали все европейские армии; русский крестьянин помогал по мере сил русской регулярной армии уничтожить кавалерию Мюрата, заморив голодом её лошадей, сжигая овёс и сено, за которыми приезжали фуражиры Наполеона, а иногда истребляя и самих фуражиров.

Таково было фактическое тесное сотрудничество крестьянства и армии в деле истребления лошадей французской кавалерии, а затем и лошадей артиллерийских частей на походе и в боях. Блестящий успех кавалерийского рейда Уварова и Платова, внёсшего такое смятение в тыл Наполеона, не менее блестящее достижение русских конников, уже в конце Бородинского боя истребивших лучшую часть польской конницы Понятовского, обнаружили воочию всё преимущество русской кавалерии над наполеоновской. Полностью бессилие конницы агрессора проявилось

в разгар русского контрнаступления, когда в Смоленске под Красным, между Красным и Березиной и за Березиной французы должны были бросать сотнями и сотнями вполне исправные орудия вследствие быстро исчезающей возможности обеспечить артиллерии конную тягу.

Со дня на день у Кутузова крепла уверенность, что его план непрерывного контрнаступления, безусловно, исполним и поэтому опасные сюрпризы со стороны Наполеона мало возможны, так как Наполеону уже не оторваться от преследования и не создать внезапно нужный «кулак» для ответного удара. Есть факты, неопровержимо доказывающие, что уже в Малоярославце, т.е. в самом начале контрнаступления, Кутузов был совершенно убеждён в полном успехе затеянной им грандиозной операции. Нужно предварительно напомнить, что нельзя себе представить человека, который был бы до такой степени, как Кутузов, лишён самоуверенности, пренебрежения к противнику и какого бы то ни было намека на самохвальство.

Притом осторожность Кутузова в выборе слов, когда ему приходилось делать сколько-нибудь ответственные заявления, была известна всем, кому случалось наблюдать его.

Но вот происходит сражение под Малоярославцем. Неизвестно, что сделает Наполеон, неизвестно, что сделает Кутузов. В записях «Достопамятной войны россиян с французами», изданных в Петербурге в 1814 г., когда были ещё живы участники событий, читаем: «После отражения неприятеля под Малым Ярославцем калужские жители пришли в чрезвычайный страх, опасаясь, что Наполеон пробьётся на Калугу. В чрезвычайном замешательстве и унынии они не знали, на что решиться: остаться ли в добычу неприятелю или спасать себя бегством. Калужский градской голова Торубаев, заботясь более прочих граждан, решился по долгу своему обратиться к князю Кутузову, дабы именем всех граждан испросить у него совета, что им делать. Кутузов, уверенный твёрдо в несомненном успехе своих предначертаний

Наследие

и усматривая совершенно, чем окончится дело, писал к градскому главе, чтобы он был спокоен и от лица его удостоверил всех граждан своих, что опасности им никакой не настоит и что неизбежная гибель предстоит неприятелю. Дабы удостоверить их в непреложной истине сего, Кутузов присовокупил, что лета и его любовь к отечеству имеют право требовать от них безусловной доверенности, силою коей вторичтельно уверял он их, что город Калуга есть и будет в совершенной безопасности».

После Вязьмы и после известий о полном опустошении Смоленска, исчезновении в нём продовольственных припасов, путь Кутузова, бывшего всё время в теснейшей связи и с регулярной армией и с партизанскими силами, превращается в своеобразное триумфальное шествие. Ему по два-три раза в день доносят о новых удачных нападениях на неприятеля со стороны регулярных войск и особенно партизан. Французское отступление местами уже начинает походить на беспорядочное бегство. Уже нет речи о сопротивлении, об инициати-

ве, об активности разбитой армии, бредущей по опустошённой дороге. Есть ещё надежда выбраться живыми из России, но и она начинает исчезать.

Только одно большое столкновение с врагом, которое пришлось в это время пережить русской армии, было похоже на «правильный» бой регулярных армий: это было сражение под Красным, длившееся четыре дня, с 6 по 9 ноября, и окончившееся тягчайшим поражением французов. Не доходя до Красного, неприятель был окружён. Шестого числа был разгромлен один из лучших корпусов наполеоновской армии — корпус маршала Даву, — причём пленных было взято 9 тысяч человек.

В ближайшие дни сложил оружие корпус Нея в 12 тысяч человек со всей артиллерией, казной и т. п. Маршал Нея ушёл с несколькими сотнями человек. Перебитых и утонувших при переправе через реку не считать. Это был разгром в полном смысле слова. Кутузов ещё

Военный совет в Филях в 1812 году. Худ. А.Д. Кившенко.

Е.В. Тарле. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат

перед битвой под Красным писал Александру: «После славного сражения при Бородине неприятель столько потерял, что и доселе исправиться не может и потому ничего против нас не предпринимает».

Старый фельдмаршал, по существу, был прав, потому что под бородинскими потерями француз он понимал и потерю прежней, навсегда исчезнувшей веры в победу.

Французы под Красным за четыре дня потеряли убитыми и пленными более 26 тысяч человек и 116 орудий. А сверх того при бегстве они вынуждены были оставить русским ещё 112 орудий. Под Красным дрались с русской стороны те же бородинские, уцелевшие ещё герои и ополченцы, на глазах маршала Бессьера громившие наполеоновских гренадеров, но французы как боевая сила были непоходки на тех, какими они были не только под Бородином, но ещё и под Малоярославцем. После Красного их ждал окончательный разгром на Березине и на полях между Березиной и Вильной.

Под Березиной неумелость Чичагова и растерянность Витгенштейна на несколько считанных дней отсрочили гибель немногих людей, с которыми прорвался Наполеон, оставив на Березине тысячи погибших. Враг Кутузова, назначенный именно поэтому главнокомандующим Дунайской армией (когда «в награду» за Бухарестский мир Кутузов получил внезапную отставку), Чичагов действовал, абсолютно не считаясь с Кутузовым. Остаток дней своих Чичагов посвятил злобной клевете (на русском, французском и английском языках), имевшей целью свалить вину за свою неудачу на фельдмаршала. Выполнение этой цели облегчалось тем, что Чичагов надолго пережил Кутузова. Витгенштейн всё же более откровенно признавал свою вину.

Далее мы увидим, как Кутузов уже после Березины решительно воспротивился нелепому плану Чичагова вести свою армию в Польшу, вместо того чтобы спешить к Вильне и присоединиться к шедшей туда армии главнокомандующего. Царедворческая челядь

Александра была очень склонна поддержать Чичагова и клеветать на Кутузова. К счастью, теперь она уже не смела деятельно вредить победителю Наполеона.

Вся энергия мысли Кутузова после Березины была направлена на то, чтобы заставить Витгенштейна отрезать Макдональду путь к соединению с Наполеоном. В один и тот же день, 19 ноября (1 декабря), он пишет об этом Витгенштейну, а Чичагову отдаёт приказ — преследовать по пятам остатки армии Наполеона, причём Платов с казачьими полками и полуротой Донской конной артиллерии должен был опередить бегущих французов и «атаковать его (неприятеля. — *Е.Т.*) в голове и во фланге», уничтожая все мосты, магазины и пр. Кутузов требовал от Чичагова большой энергии: «Переправа неприятеля через Березину не могла иначе свершиться, как с пожертвованием большого числа войск, артиллерии и обоза. Весьма желательно, чтобы остатки его армии были истреблены, и для того необходимо быстрое и деятельное преследование». Кутузов не хотел обескураживать Чичагова, он был мягок с ним, но, по опыту зная его промахи и опоздания, настойчиво требовал неослабной энергии и от него и от Витгенштейна.

Ценнейшими документами для характеристики настроений и планов Кутузова в этот последний период войны являются его предписания Сакену 22 ноября (4 декабря) и Торماسову 23 ноября (5 декабря). Чичагов хотел отправить Сакена против Шварценберга, чтобы не дать ему проникнуть в Польшу, а Кутузов решительно отменил этот план.

Истребление остатков армии Наполеона, полное безостановочное и беспощадное, — вот основная цель фельдмаршала, а вовсе не диктуемая политическими (неосновательными) соображениями идея Чичагова о скорейшем вторжении в Польшу.

Кутузов-дипломат был столь же несоизмеримой величиной с Чичаговым, как и Кутузов-стратег. Он ясно видел, что может случиться, если отвлечь русскую армию от главной цели

Наследие

и бросить часть её на ненужную борьбу против австрийцев и помогающих им поляков, когда ещё не завершена гибель наполеоновского войска на главном направлении отступления французов.

Кутузов был великим полководцем и поэтому думал не только о победоносных приказах и блеске приблизившегося полного торжества, но и о многом таком, о чём склонен забывать кое-кто из позднейших историков. В декабре русская армия подходила к Вильне, и Кутузов не хотел, чтобы исполнилась мечта Наполеона, чтобы в Литве началось восстание против русских. Он знал, что наполеоновские эмиссары вели в Литве агитацию против русской армии. Кутузов принял серьёзные меры к тому, чтобы между армией и местным населением были сохранены нормальные отношения. «Я в особенную обязанность поставил графу Платову обратить всевозможное внимание и употребить все должные меры, дабы сей город (Вильна. — *Е. Т.*) при проходе наших войск не был подвержен ни малейшей обиде, поставя ему притом на вид, какие в нынешних обстоятельствах могут произойти от того последствия». Об этом же он повторно писал и Чичагову и другим, ещё когда входили в Ошмяны.

10 декабря 1812 г. в Вильну вошли одновременно Чичагов и Кутузов. Ближайшей очередной военной задачей Кутузова было не допустить Макдональда к соединению с остатками французской армии. Он приказал Витгенштейну и Чичагову сделать все возможное для достижения этой цели. Одновременно рекомендовалось от имени царя «давать чувствовать» прусским войскам, находившимся в составе наполеоновской армии (в корпусе Макдональда), что единственным своим врагом русские считают французов, а не пруссаков. То были дни, когда готовился переход прусского генерала Йорка на сторону России.

12 декабря Кутузов не только знал о неизбежности заграничного похода, но начал делать соответствующие распоряжения: «Ныне предпринимается общее действие на Пруссию, ежели сие удобно произвести можно. Известно уже, что остатки французской армии ретирова-

лись в ту сторону, а потому одно только преследование туда только может быть полезно», — писал фельдмаршал Чичагову 12 (24) декабря, то есть ещё до виленских споров с Александром. Это неопровержимо доказывает, что самые споры касались совсем не существа вопроса о заграничном походе, а лишь сроков, т. е. того, переходить ли границу немедленно или позже. Не больше! Самый же вопрос был решён Кутузовым утвердительно. Цитируемое письмо решает и уточняет всё: Кутузов хотел освобождения Европы и явно считал дело победы незавершённым, пока Наполеон в Европе распоряжается по-хозяйски, но он желал, чтобы немцы могли активно включиться в дело собственного освобождения. <...>

С очень пошатнувшимся здоровьем кончал Кутузов свой победоносный поход 1812 г. Тяжкой рабочей страдой была для него эта война. Обожание и безусловное доверие солдат, совсем особый дар повелевать, делая это так, чтобы повеление звучало ласковой просьбой, обаяние ума и влекущее благородство характера, — словом, всё то, что в Кутузове покоряло людей начиная с первых же лет его жизни, очень, конечно, помогало Кутузову при всей его усталости, при всех приступах недомогания, которые он искусно скрывал от окружающих, нести невероятно тяжёлый груз труда и ответственности. Старик, которому, считая, например, от дня Бородинского боя (7 сентября 1812 г.) до дня смерти (28 апреля 1813 г.), оставалось жить ровным счётом семь месяцев и три недели, нёс на себе бремя гигантского труда. Попробуйте прочесть хотя бы XVIII, XIX, XX томы «Материалов военно-учёного архива» главного управления генерального штаба, где напечатаны документы (письма, резолюции, писанные и диктованные, и т. п.), изо дня в день исходившие от Кутузова. А если не хватит терпения на такое «будничное» чтение (хотя у всякого, претендующего понять роль Кутузова, такого терпения должно хватить), то хоть посмотрите, перелистайте эти томы (а в них приведено ещё далеко не всё!) — и нельзя будет удержаться от возгласа удивления. Ведь то, что посылалось Кутузову, не просто прочитывалось в штабе, но и требовало резолюций, усилий направляющей мысли.

Е.В. Тарле. Михаил Илларионович Кутузов — полководец и дипломат

Нужно отвечать — приказами, решениями, даже советами, которые, исходя от главнокомандующего, являются тоже приказами. Что писать Милорадовичу? Чичагову? Витгенштейну? Как реагировать на то, что барон Розен пишет Коновницину? Или что пишет непосредственно фельдмаршалу Ермолов? Или как отозваться на письмо Витгенштейна фельдмаршалу, из коего ясно, что царь посылает через Чернышева Витгенштейну руководящие указания помимо фельдмаршала и что Витгенштейн уже от себя «любезно» посылает Кутузову рапорт Чернышева царю? И всё это ещё забрасывается тучей рапортов (прямых или пересылаемых в порядке иерархическом), и эти рапорты ведь тоже вовсе не «мелкие», если они доходят всё-таки до самого фельдмаршала. Да и что это значит в двенадцатом году — «мелкие дела», если партизан Фигнер должен быть уведомлен через Ермолова прямо из штаба Кутузова, что 4 октября «людям в лагере варить каши ранее и команд для фуражировки не высылать», так как «неприятель может сегодня противу нас предпринять» движение? А Фигнер должен немедленно соединиться с Дороховым, чтобы действовать вместе на Вороново? Что это, «мелкое дело»? Участь большой битвы зависела от таких «мелких дел». Всё важно, от всего зависят тысячи жизней, и до самого конца похода ещё существует противник, хотя уничтожена его армия и сам он уже бежал из России. Потому что выступают новые и новые вопросы: «Александр возлагает на армию заботу о безопасности прусского короля, — а эти монархические любезности и нежности могут отпугнуть генерала Йорка, самовольно мужественно перешедшего на русскую сторону... И всюду нужен орлиный взор и ума палата и глубокая проницательность, и умение разом видеть и деревья и лес! А всё это есть только у старика, с двух концов сжигающего последние остатки физических сил... Организация армии, организация тыла, заботы о снабжении, о вооружении, о сношениях с Тулой, с Сестрорецком, с Уралом — всё это лежало в конечном счёте на главнокомандующем.

В декабрьские дни 1812 г. в Вильне Кутузов ясно понял, что своей победой он уже сокру-

шил континентальную блокаду, вполне обессилил её, насколько это было полезно и необходимо для русских экономических и политических интересов, и что фактически побережье Балтийского моря совершенно открыто для морской торговли с Россией. Торговля началась уже даже во время войны. Но пока существовала империя Наполеона, душившая Англию, континентальная блокада ещё существовала на юге, в центре, на западе Европы. <...>

Когда Кутузов отдал распоряжение занять позицию после сражения у Малоярославца, то дошедший до предела дерзости Вильсон так себя вёл, что старый фельдмаршал счёл нужным его оборвать и напомнить ему, что не Англия спасает Россию, а Россия спасает Англию и что «наследниками власти Наполеона будет не Россия и не какие-либо другие континентальные государства, а воспользуются всем те, которые ныне господствуют на морях и которых владычество сделается тогда нестерпимым».

Кутузов считал Наполеона открытым врагом России, а Великобританию — тайным врагом, тоже стремящимся хоть и иными путями, но столь же упорно к мировому владычеству.

Александр, проведшему всю войну 1812 г. в уютных залах Зимнего дворца, не терпелось начать поход за границу немедленно, из Вильны. Но Кутузов, гениальный расчёт которого и привёл русскую армию в Вильну, несравненно лучше знал, чего стоило русскому солдату только что победоносно закончившееся контрнаступление. Это забыл не только Александр I, но склонны иногда игнорировать и некоторые историки, «защищающие» Кутузова от «обвинения» в том, что в декабре 1812 г. он оспаривал мнение царя о необходимости немедленно начать поход за границу. Другими словами, они защищают Кутузова от «обвинения» в том, что он не был согласен с желаниями английского шпиона, политического лазутчика Вильсона, перед которым в Вильне в декабре 1812 г. царь позорно «извинялся», что даёт ненавистному им обоим Кутузову Георгия первой степени.

Наследие

Кутузов знал, что конечная победа над Наполеоном в Европе будет одержана, и шёл к этой победе, но он не хотел щедро платить русской кровью за излишне нетерпеливое желание союзников ускорить своё освобождение от Наполеона, от его поборов и притеснений, от его континентальной блокады. Союзники же хотели ускорить это освобождение, тратя по возможности меньше своей крови и по возможности больше крови русской. И Кутузов хотел полной победы над Наполеоном, но у него и тут был свой план, и он противился навязываемому ему другому, чужому плану.

Величие гениального стратега и дипломата, величие прозорливого русского патриота, разгромившего армию Наполеона в 1812 г., имевшего всегда твёрдое намерение покончить с его империей и именно поэтому желавшего лучше подготовить окончательный удар, — это величие выявляется ярко не только в 1812, но и в 1813 г. «Потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его!» — сказал Кутузов, изгнав французов из России. Но он хотел, чтобы в 1813 г. русской армии пришлось впрямь уже не в одиночку сражаться с Наполеоном, как она сражалась против него в 1812 г.

Ему, великому патриоту, победоносному полководцу, по праву принадлежала бы честь ввести в марте 1814 г. русскую рать в Париж; ему, а не Барклаю и никому другому. Но смерть застигла его в самом начале новых кровопролитий, приведших к предвиденному им окончательному торжеству. <...>

В солдатском фольклоре весьма характерно отразилось первое время войны 1813 г. Украинские ратники сочинили, по-видимому, именно в эти первые месяцы 1813 г. укоризненно-насмешливые стихи, обращённые к «прусам», или, иначе, «прусацким головам»: «Як Россия стала биться, — ты французу все дывываясь, ты нейшов нам помогать, з нами славу добывать!» А вот когда Россия начала побеждать, то «прус» «на коленьки павлюбенько» перед русскими, умоляя о спасении своих «прусацких голов».

Другая солдатская песня (великорусская) как бы дополняет украинскую: «Нутка, русские солдаты, станем немцев выручать! Немцы больно трусоваты, нам за них, знать, отвечать!»

Так отражались в сознании русского солдата долгие колебания прусского короля: помогать ли Кутузову или не помогать и если помогать, то в какой мере? Песни сообщают, что «гость незванный к нам явился не во сне, а наяву, и тем изверг веселился, что жег матушку-Москву». А другая песня полна гордой уверенности: «Нам не надобна и помощь, нам не нужны пруссаки».

Любимец народа, любимец армии, национальный русский герой умер в ореоле немеркнувшей славы. В солдатской песне, сочинённой на смерть Кутузова, говорится о закатившемся солнышке: «Как от нас ли, от солдатушек, отошёл наш батюшка, Кутузов-князь!.. Разрыдался, слезно всплакало войско русское, христианское! Как не плакать нам, не кручиниться, нет отца у нас, нет Кутузова!» Очень показательны, что прежде всего они вспоминают Царево-Займище: «А как кланялся он солдатушкам, как показывал седины свои, мы, солдатушки, в один голос все прокричали ура! С нами Бог! и идём в поход, припеваючи». С Кутузовым всё было легко: «Ах, и зимушка не знобила нас и бесхлебица не кручинила: только думали, как злодеев гнать из родимые земли русские». Но русский солдат помнит, что и сам Кутузов, как и его солдаты, служил Родине: «И клянёмся все клятвой верною послужить вперёд, как служили с ним!»

Стратегия Кутузова одолела грозного врага под Бородином, создала затем и гениально проведённое контрнаступление, загубившее Наполеона. А геройское поведение регулярной армии при всех боевых встречах с неприятелем, деятельная помощь партизанской войны, народный характер всей войны в целом, глубоко проникшее в народ сознание справедливости этой войны — всё это создало несокрушимый оплот, твёрдую почву, на которой возникли, развились и привели к победоносному концу стратегические комбинации Кутузова.

